

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 60—73.
Siberia Humanitarian. 2026;(1):60—73.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 930.2:351/354
EDN YCTWSU

Проблемы истории государственной службы в публикациях современных исследователей 2006—2010 гг. (по материалам Российского индекса научного цитирования)

Владимир Евгеньевич Зубов

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, Zubovv27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций, посвященных современной историографии истории государственной службы. Хронологические рамки работы — 2006—2010 гг. Рассмотрены статьи и материалы конференций на русском языке, доступ к которым открыт в базе РИНЦ. Актуальность исследования объясняется общим состоянием гуманитарной науки, ростом числа публикаций и сложностью освоения накопленного научного опыта. Помимо общего диалектико-материалистического метода использовались специальные методы исследования — поиск по ключевым словам, метод классификации, сравнительно-сопоставительный, хронологический методы и др. Предпочтение отдано формальным методам, позволяющим обеспечивать проверку и сопоставление результатов. Для поиска использовались словосочетания «история государственной службы», «гражданская служба история». Не рассматривались студенческие работы, публикации, относящиеся к военной и близким к ней специализированным видам службы, в том числе «иные виды государственной службы». Сделанные выводы имеют частный характер и характеризуют работы, попавшие в выборку. Проведенный анализ публикаций показывает, что проблемы истории государственной службы в рассматриваемый период в меньшей степени привлекают исследователей, чем в последующее пятилетие. Авторы обращаются к новым (на момент выхода публикации) аспектам темы, имеющим значение для современной реформы гражданской службы. В то же время на качество работ влияют слабость методологической базы, политическая конъюнктура, нарушение преемственности в развитии науки. Наблюдается

отказ от выработанного и апробированного терминологического аппарата, общеисторических основ исследования, в частности периодизации российской истории. В отечественных работах чаще (возможно, вследствие их преобладания в выборке), чем в статьях зарубежных авторов, встречаются нарушения требований, предъявляемых к научным публикациям.

Ключевые слова: государственная служба, история, историография, история государственной службы, гражданская служба, история гражданской службы, государственная служба за рубежом

Для цитирования: Зубов В. Е. Проблемы истории государственной службы в публикациях современных исследователей 2006—2010 гг. (по материалам Российского индекса научного цитирования) // Сибирь гуманитарная. 2026. № 1. С. 60—73. EDN YCTWSU.

Historiography and source studies

Original article

Problems of the History of Civil Service in Contemporary Research Publications from 2006 to 2010 (Based on the Russian Science Citation Index)

Vladimir E. Zubov

Siberian institute of management, Novosibirsk, Russian Federation, Zubovv27@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9402-4414>

Abstract. This article continues a series of publications on the contemporary historiography of the history of civil service. The chronological scope of the work is 2006–2010. It reviews the articles and conference proceedings in Russian, accessible through the Russian Science Citation Index (RSCI). The relevance of the study is explained by the general state of humanities scholarship, the growing number of publications, and the difficulty of mastering accumulated scientific experience. In addition to the general dialectical-materialist method, specialized research methods were used, including keyword searches, classification methods, comparative and contrastive methods, and chronological methods. Preference was given to formal methods, which allow for verification and comparison of results. The search terms “history of civil service” and “civil service history” were used. Student works and publications related to military and related specialized types of service, including “other types of civil service,” were not considered. The conclusions reached are specific and characterize the works included in the sample. The analysis of publications shows that issues in the history of civil service during the period under review are of less interest to researchers than in the subsequent five-year period. The authors address new (at the time of publication) aspects of the topic that are relevant to contemporary civil service reform. At the same time, the quality of the works is affected by a weak methodological framework, political conjuncture, and a disruption in the continuity of scientific development. A rejection of established and tested terminology and general historical research principles, in particular the periodization of Russian history, is observed. Domestic works (possibly due to their predominance in the sample) more often than articles by foreign authors violate the requirements for scientific publications.

Keywords: civil service, history, historiography, history of civil service, civil service, history of civil service, civil service abroad

For citation: Zubov V.E. Problems of the history of civil service in publications of modern researchers 2006—2010 (based on the materials of the Russian Science Citation Index). *Siberia Humanitarian*. 2026;(1):60—73. (In Russ.). <https://elibrary.ru/yctwsu>.

Проблемы развития науки в современной России, особенно в гуманитарной области, требуют анализа ее состояния. В связи с этим нами предпринята попытка провести анализ состояния современной историографии истории государственной, прежде всего гражданской, службы. В данной публикации рассматриваются работы, опубликованные в 2006—2010 гг. Методология, методика, другие общие вопросы освещены в ранее опубликованных статьях, посвященных анализу [1—3].

При этом следует акцентировать внимание на критериях включения публикации в ту или иную тематическую группу. Они вполне точны, поскольку авторы затрагивают различные грани темы и конкретная работа может быть отнесена к различным тематическим группам. При решении этого вопроса мы руководствовались нашими субъективными предпочтениями.

Выборка за 2006—2010 гг. содержит значительно меньше работ (44), для характеристики которых использовались указанные выше ключевые слова, чем выборка за последующие пять лет (2011—2015) — 147 работ. Этот факт, однако, недостаточен для того, чтобы делать вывод о большем или меньшем интересе исследователей к проблемам истории государственной службы, поскольку выборка строилась только на одном формальном критерии. Меньшее количество работ может быть обусловлено и другими моментами, проверить которые в рамках темы нашего исследования невозможно (общее число научных журналов в стране и их характер, число журналов, включенных в базу РИНЦ, соотношение числа публикаций в открытом и закрытом доступе и т. д.).

Первую группу образуют публикации, посвященные общим и общетеоретическим вопросам истории гражданской, в том числе государственной гражданской, службы в России или различным ее аспектам. В рассматриваемый период в эту группу вошло небольшое число публикаций. Среди них в первую очередь назовем статью М. В. Шедия [4], посвященную актуальной проблеме формирования корпоративной культуры в системе государственной службы. Рассматривая этот процесс от истоков государственности, автор отмечает такие черты зарождавшейся корпоративной культуры, как ориентация на собственные интересы чиновников, отрыв от народа, что было связано с включением табельной бюрократии в состав господствующего класса. Можно согласиться и с выделением автором других черт: ориентации на волю непосредственного начальства и сравнительно редко упоминаемой при характеристике отечественной бюрократии такой черты, как самоирония [4, с. 67]. Отдельного внимания в современных условиях заслуживает тезис о преемственности корпоративной культуры советской и досоветской бюрократии. Автор справедливо отмечает вынужденный характер широкого привлечения на советскую службу старых кадров в связи с необходимостью централизации управления в годы иностранной интервен-

ции и гражданской войны [4, с. 68]. В то же время спорными выглядят такие черты корпоративной культуры советской государственной службы, как «безжалостность», следование принципу «нерассуждающего повиновения сильному» и др. [4, с. 68]. Спорность их связана с недостаточно четким определением понятий. Термин «безжалостность», например, вполне можно интерпретировать как строгое следование закону, нежелание руководствоваться субъективными соображениями при принятии решений. А это следует отнести, скорее, к достоинствам, чем к недостаткам корпоративной культуры, поскольку именно слабость закона как механизма регулирования общественных отношений указывается среди ключевых проблем управления и в прошлом, и в настоящем. Можно привести и другие примеры спорной и некорректной терминологии: сочетание терминов «Русь» и «государственная служба», утверждение о строительстве государственной службы на родовых отношениях и т. д. Отметим также слабость аргументации при характеристике советской государственной службы и формируемой на ее базе корпоративной культуры. По нашему мнению, следовало бы, например, уточнить, в какой мере политическая полиция (тоже весьма спорный термин, не употреблявшийся в советский период и не отражающий сути данных организаций), под которой понимается ГПУ-НКВД, являлась политической силой. Думается, что такое понимание ошибочно. И ГПУ, и НКВД являлись, скорее, инструментом в руках государственной власти и выполняли возлагавшиеся на них задачи, которые отнюдь не сводились к функциям политической полиции. Если попытаться рассматривать эти организации как самостоятельную политическую силу, то необходимо ставить вопрос об их социальной базе, программе, целях и т. д. Но об этом в статье ничего не говорится.

Явно ошибочным выглядит и утверждение об одномерном восприятии мира [4, с. 68], как минимум можно говорить о двухмерности (в рамках дихотомий: «свой — чужой», «друзья — враги», «хороший — плохой», «союзники — противники» и т. д.). Но, думается, даже такое понимание будет слишком упрощенным, так как после Второй мировой войны существовало несколько типов стран, отношение к которым было различным: мировая система капитализма, мировая система социализма, в рамках которой выделялось социалистическое содружество, страны третьего мира (развивающиеся), неприсоединившиеся и др. Таким образом, об одномерности говорить не приходится. К сожалению, недостаточно обоснованными выглядят и другие характеристики советских государственных служащих. Свойственные отдельным лицам, они подаются автором как типичные, характеризующие корпоративную культуру в целом. При этом не понятно, на основе чего сделаны такие обобщения, поскольку ссылки на источники и исследования отсутствуют. Соответственно, сделанные автором выводы легко оспорить, как например, тезис о том, что массовые репрессии порождали и усиливали у государственных служащих «вождизм», «вседозволенность» и т. д. С таким же основанием можно сказать, что массовые репрессии, наоборот, ограничивали проявления таких черт, поскольку автор несколькими строками выше указывает, что «за злоупотребление властью, про-

машки следовала строгая кара» [4, с. 68]. По некоторым выводам (о том, что лица, соответствующие общепринятым критериям культурности и образованности, «на удивление быстро умерли» [4, с. 68]) доказательства не приводятся. Обращение к биографиям указанных лиц не дает оснований для утверждения об «удивительно быстрой смерти»¹. Можно, конечно, в духе Э. Радзинского и Г. Сванидзе заявить, что на самом деле они все злодейски убиты лично Сталиным, но делать это лучше не в научной публикации. С выводом о качестве советской номенклатуры, в которой «преобладали люди малокультурные», можно было бы согласиться, если бы он подтверждался ссылкой хотя бы на статистические материалы. Отсутствие доказательств порождает обоснованные сомнения и вопросы. Например, каким образом эти «малокультурные люди» сумели обеспечить восстановление страны после двух войн и создать базу для победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.? Причем за те же двадцать с небольшим лет, которые охватывают реформы в современной России. Последние, надо полагать, проводятся людьми, значительно более культурными, но вопрос о том, можно ли достигнутые результаты сопоставить с теми, которые были достигнуты в 20—30-е гг. прошлого века, мы оставим специалистам в области экономики, культуры, науки и т. д. Сделанный автором вывод о начале создания в 1990-е гг. правового социального государства выглядит оправданным с учетом времени выхода статьи (2007).

Следует отметить, что некоторые аспекты темы, поднятой автором, рассматривались и позже, в частности в статье В. А. Шамахова и В. И. Морозова (2012), посвященной проблеме преемственности в подготовке кадров для государственной службы в России [5].

Проблеме соотношения служебного и вотчинного начала в системе служебных отношений формирующегося Московского государства посвящена статья В. А. Ткачука [6]. Актуальность данного вопроса связана с отсутствием у исследователей четкого понимания специфики государственной службы в системе государственной власти и управления. Даже автор смешивает государственную и великокняжескую службу (говоря вначале о вотчинниках, состоявших на обязательной *государственной* службе, а затем — о способах включения «представителей княжеско-боярской корпорации на *великокняжескую* службу») [6, с. 113]. Подобную оговорку можно объяснить тем, что автор исследует вопрос, связанный с формированием элит, а не служебных отношений, но строгость терминологии тем не менее необ-

¹ Для примера приведем информацию, размещенную на сайте Историко-документального департамента МИД России: «В сентябре 1929 г. кремлевский врач Л. Г. Левин, который постоянно наблюдал за здоровьем Чичерина, выехал в Висбаден, где лечился Георгий Васильевич, сделал его осмотр и пришел к заключению, что Чичерин действительно болен и не подлежит транспортировке в Москву. Газета „Известия“ опубликовала 22 октября 1929 г. подробное заключение лечащих врачей о ходе болезни Чичерина, в котором отмечалось: „Можно, однако, надеяться, что при дальнейшем прогрессировании достигнутого уже улучшения через некоторое время будет поднят вопрос о возвращении тов. Чичерина в СССР“ <...> 6 января 1930 г. поезд, на котором его перевезли, прибыл в Москву. Но тяжелая болезнь постоянно давала о себе знать. В июле 1930 г. в связи с резким ухудшением его здоровья он был освобожден от работы, а 7 июля 1936 г. Георгий Васильевич скончался». См. : Соколов В. Неизвестный Чичерин: из рассекреченных архивов МИД РФ // Соколов В. Неизвестный Чичерин. Ч. 1. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/neizvestnyy-chicherin-chast-1/ (дата обращения: 24.02.2026).

ходима, поскольку содержание статьи важно для понимания процесса перехода от государевой к государственной службе и специфики каждой из них. Завершение формирования общегосударственной политической элиты автор связывает с XVI в., причем отмечает доминирование в этом процессе служебных отношений, или, по терминологии автора, «службы над вотчиной» [6, с. 115]. Но отсюда следует, что только с XVI в. можно говорить о появлении (или даже только зарождении) элементов государственной службы, но никак не ее системы, поскольку сохранялась система местнических счетов, не соответствовавшая принципам организации государственной службы. Создание *системы* государственной службы происходит значительно позже.

Отдельные публикации посвящены современной государственной службе и ее истории (1990-е гг. и 2000-е гг.). Так, в статье А. Трухачевой характеризуются основные направления реформирования системы государственного управления [7]. Оценивая сделанные выводы, следует учитывать, что статья написана в 2008 г., поэтому исходные тезисы авторов, характеризующие направления реформы — возможность использования конституционных прав, повышение спроса с чиновников обществом за качество их работы, социальный характер государства и т. д. [7, с. 5] — могут быть приняты в качестве декларации, идеала, а не текущих целей. Тем не менее интересны в плане сопоставления с современностью приводимые в статье данные об отношении народа к власти и ее агентам (представление о чиновниках как об особом сословии с особым образом жизни, заинтересованных в увеличении собственного богатства несмотря на низкий уровень жизни народа) выявленное в ходе социологического опроса института социологии РАН [7, с. 6]. Характеризуя тенденции развития современных систем управления, автор выделяет в качестве главных введение рыночных механизмов в организацию деятельности государства, замену концепции административного государства концепцией эффективного государства, однако отмечает существование определенных сомнений в возможностях их внедрения в России, поскольку современные российские чиновники не дотягивают даже до уровня веберовской модели бюрократии [7, с. 6]. Выделенные автором проявления несовершенства системы государственной службы (отсутствие ожидаемых результатов реформы государственной службы [7, с. 8], единичные случаи, когда какого-то высокопоставленного чиновника с позором выгоняли с работы [7, с. 9], игнорирование властью и аппаратом управления интересов и прав граждан [7, с. 10] и др.), в силу чего остается непреодоленным отчуждение общества и бюрократии, наблюдаются и сегодня.

Ряд публикаций посвящен истории отдельных ведомств или направлений деятельности государства в сфере управления. Так, С. И. Крупинова рассматривает недостаточно освещенный в научной литературе вопрос, связанный с изучением процесса эволюции гражданской службы, — включение в систему государственного управления женщин [8]. Эта проблема исследуется на примере финансового ведомства, в деятельности которого в конце XIX — начале XX в. прослеживался ряд новаций, отражающих поиск путей реформирования гражданской службы и приспособления ее к развивающимся буржуазным отношениям. К таким нововведениям отно-

сится и разрешение женщинам поступать в число служащих «по вольному найму». Интересным представляется отмеченное автором различие между вольнонаемными и полноправными государственными служащими: «...если мужчины... служили государю императору... то женщины служили ведомству...» [8, с. 57]. К сожалению, в статье отсутствуют ссылка на мемуары первой служащей женщины — А. Н. Фесюковой, которые, возможно, являются ценным источником по истории государственной службы. Недостаточно затронута и положение женщин-служащих в годы Первой мировой войны, а между тем в этот период в их положении могли происходить существенные изменения, поскольку на государственном уровне вновь поднимался и ранее обсуждавшийся вопрос о привлечении женщин на самостоятельные должности в системе государственной службы. Автор статьи рассматривает также изменения, произошедшие в положении женщин-служащих после Великой Октябрьской социалистической революции, обеспечившей равенство прав мужчин и женщин, в том числе при поступлении на государственную службу. Помимо этого, принимались меры по совершенствованию их общеобразовательной и специальной подготовки, расширялись возможности участия в общественной и культурной жизни и др. В статье приводится множество интересных фактов, однако без соответствующих ссылок, что снижает ценность публикации.

Одна из граней обширной и широко освещенной в литературе темы правового регулирования государственной службы затрагивается в статье Е. В. Поздняковой [9]. Ограничиваясь ведомством внутренних дел, автор охватывает широкий (на наш взгляд, даже слишком широкий) периоды — с Древней Руси до конца советского периода. Здесь автор допускает типичную ошибку, встречающуюся во многих работах, — прямое отождествление возникновения государственной службы с возникновением государства. Данный тезис может быть принят только отчасти. Если государственная служба не может существовать без государства (что очевидно), то государство может существовать без государственной службы, поскольку последняя предполагает специфические связи и отношения, возникающие уже после того, как государство пройдет ряд стадий в своем развитии. Исходная позиция предопределяет и другие недостатки работы, например неудачный выбор периодизации. Этот момент мы подробно разбирали в других публикациях [1—3], поэтому здесь ограничимся констатацией очевидного факта: изучение государственной службы (тем более в рамках конкретного ведомства) в пределах деления отечественной истории на досоветский, советский и постсоветский период — занятие бесперспективное, так как получаемая картина будет настолько общей, что исследователи мало что смогут из нее почерпнуть. Еще более сомнительной выглядит ее трактовка как общепринятой: «Так, общепринятым считается выделение в развитии государственной службы трех крупных периодов: дореволюционного, советского, постсоветского». Подобное совершенно неверное утверждение встречается во многих работах. В советское время такое упрощенное деление отечественной истории на этапы применялось крайне редко и, скорее, в публицистических, нежели научных изданиях. Если исходить из этапов развития государства,

то в досоветской истории можно выделить догосударственный (первобытнообщинный), разделявшийся на этапы, раннефеодальный (Киевская Русь), период феодальной раздробленности, период существования русского централизованного государства, имперский, позднимперский и т. д., в советский период — период диктатуры пролетариата и общенародного государства¹. При исследовании иных проблем применялась соответствующая периодизация, адекватная поставленным исследовательским задачам. Многих ошибок можно было бы избежать, если бы автор использовал специальную литературу, а не учебные пособия². Видимо, понимая сомнительность исходных посылок, автор делает ряд высказываний, позволяющих понять, что государственная служба и государство — явления связанные, но не совпадающие по времени возникновения, в том числе прямое указание: «Начало государственной службы в России часто отсчитывают от Петра, а именно — от 24 января 1722 г., когда он ввел в действие знаменитую (или знаменитый. — В. З.) „Табель о рангах...”» Непонятно, почему автор не взял за основу периодизации именно эту дату, которая значительно больше подходит под понятие «общепринятой», когда речь заходит о государственной службе. Упомянем еще один тезис, требующий обязательного комментария. Речь идет о неоправданном сужении полномочий ведомства внутренних дел в дореволюционный период. Автор сводит их к двум блокам вопросов: борьбе с противниками существовавшей власти и охране общественного порядка. В этой связи он отмечает: «Созданное Александром I министерство внутренних дел России было самым многофункциональным из восьми образованных министерств» (3 страница от начала электронной публикации. — В. З.). Здесь необходимо отметить, что перечисленные выше задачи составляли только часть компетенции министерства. Главная задача заключалась в обеспечении общедминистративного управления. О широте компетенции говорит и предпринятая в XIX в. попытка создания, наряду с МВД, специального министерства полиции.

К достоинствам работы следует отнести упоминание (правда, без ссылок) некоторых документов, регламентировавших положение государственных служащих в советское время, и специальных нормативных актов, касающихся МВД. Хотя и здесь присутствуют как минимум спорные утверждения, например, тезис о том, что вся кадровая политика, «от подготовки и подбора кандидатов на должности до увольнения, и служебные отношения строились по усмотрению вышестоящего лица». Сомнения порождает хотя бы тот факт, что в советское время существовала система обязательного распределения выпускников высших и специальных учебных заведений. Руководитель, к которому прибывал выпускник, был *обязан* принять его на службу (работу), обеспечить жильем и т. д. Возможно, что в ор-

¹ Может быть, данная периодизация нуждается в корректировке, но этому должна предшествовать серьезная исследовательская работа и обсуждение в научном сообществе. Однако советская история сегодня изучается недостаточно. Взвешенному решению проблемы мешает также и сильная политизированность темы, связанная с антисоветизмом.

² Разбор используемого в качестве источника учебного пособия требует отдельной публикации. Мы не считаем возможным указывать его название, чтобы уменьшить возможность тиражирования приводимой в нем, на наш взгляд, спорной информации.

ганах МВД наблюдалась некоторая специфика, но мы не рискуем утверждать, что и увольнение зависело только от воли вышестоящего лица. Вызывают интерес и воспроизведенные в работе сопоставления современной и досоветской государственной службы, сделанные В. М. Манохиним.

Деятельность архивной службы на примере Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа стала темой статьи Л. В. Набоковой [10]. Термин «служба» здесь используется в специфическом значении, однако мы сочли возможным включить данную публикацию в число рассматриваемых. Информация, содержащаяся в исследовании, представляет интерес и сама по себе, и особенно при сопоставлении с аналогичными публикациями о других архивных службах, рассмотренных нами в работе об ином периоде. Автор отмечает внимание центральных органов печати к проблемам местных архивов, но некоторые вопросы, например изменения, происходившие после включения архивной службы в систему НКВД, не рассматриваются, хотя и приводятся примеры участия местных властей в организации хранения документов, особенно после выведения архивных служб из ведения МВД. Несмотря на наличие фотографий, данная публикация имеет меньшую научную ценность, так как не содержит ссылок на источники и архивные материалы.

Архивной службе посвящена и статья Н. К. Коробейниковой о деятельности «архивистов республики по популяризации архивных фондов», организации «издательской деятельности и введению в научный оборот источников по истории Удмуртии» [11]. Автор отмечает, что создание архивов в Удмуртии началось «с нулевого цикла», на базе декретов Совнаркома 1918—1919 гг. о централизации архивного дела. Благодаря принятым решениям удалось сохранить документы дореволюционных учреждений XVIII—XIX вв., началось создание сети уездных архивных бюро. Характеризуя последствия передачи архивов в НКВД, автор отмечает, что, несмотря на ограничение направлений исследований, в это время «была проделана колоссальная работа по организации государственного учета документов Архивного фонда» [11, с. 94]. Значительный объем работ проводился и в послевоенное время — в 1960—1980-е гг. С 1982 г. более активно начали формироваться личные архивы. Эта работа продолжалась и в 1990-е гг.

В группу публикаций, посвященных государственной службе в отдельных регионах, вошла только одна — посвященная санитарной службе в Пермском крае [12]. Она оставлена вне рассмотрения, как узкоспециализированная.

В отдельную тематическую группу нами выделены статьи, посвященные истории гражданской службы в других странах. Так, переводная статья А. Блэкмана посвящена развитию государственной службы здравоохранения Великобритании [13]. Упомянув эту статью, мы отказываемся от ее анализа в связи со специализированным характером медицинской службы. Единственное, на что считаем нужным обратить внимание, это то, что в Великобритании развитие медицинской службы шло от частных компаний к бесплатной доступной медицине, а в современной России, наоборот, — от бес-

платной общедоступной медицины, к частной, платной и доступной ограниченному кругу лиц.

Значительный интерес вызывает статья В. В. Сажиной и Д. Е. Тагунова, анализирующая опыт борьбы с бюрократизмом в различных странах на основе метода исторической реконструкции [14]. Отмечая, что «без людей, умеющих управлять, цивилизованное общество существовать не может» [14, с. 95], авторы приводят примеры систем управления без бюрократии и бюрократизма, а также выдвигают тезис принципиальной несовместимости подлинного народного властия и бюрократии [14, с. 96]. Справедливо полагая, что засилье бюрократии нельзя связывать только с советским наследием, авторы акцентируют внимание на необходимости реальной силы общественного мнения, верховенства закона и других широко декларируемых, но нереализуемых факторов сдерживания бюрократизма. Анализируя имеющийся опыт борьбы с бюрократизмом в других странах, авторы, прямо не говоря об этом, приходят к выводу об опасности абсолютизации тех или иных мер. Так, отмечая негативные последствия для государственной службы Великобритании монополизации «высшего эшелона госслужбы выпускниками... Оксфорда и Кембриджа» [14, с. 96], они обращают внимание на то, что «частая смена чиновников... это потеря части квалифицированных кадров» [14, с. 97]. Не является панацеей и замещение должностей по конкурсу. Представляют интерес для анализа приводимые в работе определения понятий, используемых в Великобритании, и вывод о невозможности обеспечить политический нейтралитет государственных служащих. Особого внимания в плане использования материалов публикации заслуживает заключение о недостатках рыночной модели организации государственной службы в Великобритании (нарушение управленческой этики, корпоративности персонала, усложнение структуры государственной службы и т. д.) [14, с. 99]. Авторы ссылаются на ряд зарубежных материалов по организации государственной службы, но ценность публикации снижена использованием в качестве источника учебных пособий.

Следующая тематическая группа — персоналии — объединяет публикации о конкретных лицах и фамилиях, связанных с государственной службой в прошлом. Сюда отнесена публикация О. И. Амурской, связанная с деятельностью А. А. Безбородко, которого автор статьи характеризует как «новый тип бюрократа конца XVIII века, продвигавшийся по служебной лестнице благодаря своим талантам и способностям, а не распространенному в то время фаворитизму и высокому положению рода» [15]. Отнесение публикации к данной группе имеет некоторую долю условности, поскольку статья имеет историографический характер, т. е. речь в ней идет не столько о самом А. А. Безбородко, сколько о тех, кто освещал его деятельность в научных публикациях. В этом плане название статьи нам кажется не совсем удачным. В рамках темы нашего исследования интересны выводы, относящиеся к оценке историографии в тот или иной период. В частности, представляется важным заключение, касающееся современной литературы, посвященной А. А. Безбородко, которая «в некоторых случаях... не внушает полного доверия». Причину этого автор публикации связывает с появлением такого жанра худо-

жественно-публицистической литературы (уровень нашего знакомства с ним не позволяет отнести его к научной), как роман-исследование, «основанного, безусловно, на определенном фактическом материале, но в большинстве случаев не содержащего ссылок на используемый материал. Нередко в них приводятся цитаты из упомянутых работ, которых там нет, искажаются фамилии, а спорные или вовсе не доказанные факты выдаются за данность» (с. 9 электронного документа, нумерация печатного оригинала отсутствует. — В. 3.). Сделанный автором вывод согласуется с результатами, полученными нами в ходе анализа журнальных публикаций. Хотя они по своему объему и не могут быть отнесены к роману, но отмеченные элементы ненаучности отчетливо просматриваются и в некоторых из них. Содержащийся в статье перечень источников, в частности мемуарных, может представлять не только общеисторический, но и специальный интерес, так как в них могут отражаться нюансы организации и функционирования государственной службы (в частности, придворной), не отраженные в делопроизводственных документах.

В заключение считаем необходимым остановиться на публикации Н. И. Смоленского, посвященной проблеме соотношения обучения и исследования применительно к области историографии [16]. Публикация посвящена выходу учебного пособия, подготовленного коллективом историков Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации с привлечением ученых Института российской истории РАН [17]. Необходимость упоминания данной статьи возникла в связи с тем, что в последние годы, как показал проделанный нами анализ публикаций, наблюдаются две тенденции: во-первых, исследователи начинают использовать учебные пособия как источник научной информации; во-вторых, качество учебных пособий снижается, в них используется не научная информация, отражаются субъективные воззрения авторов, не принятые в качестве истины научным сообществом. Указанные обстоятельства делают необходимым обращение к базовым, в том числе философским, историческим исследованиям и учебным пособиям. При этом, видимо учитывая современные реалии, Н. И. Смоленский вынужден обращать внимание на такие моменты, которые должны быть известны любому исследователю: на различие методологии и методики, их соотношение, достоверность источников и т. д. Некоторые положения работы, относящиеся к исторической науке в целом, применимы и для исследований по истории государственной службы. К ним можно отнести требование изучать историю «такой, какой она произошла, даже если кому-то это очень не нравится... история, прошлое только в единственном числе» [16, с. 9]; указание на необходимость полноценного научного исторического знания: «фрагментаризация памяти делает историческое сознание разорванным, клочкообразным, лишает индивида и людские массы, даже если речь идет о миллионах, возможности адекватно реагировать на происходящее, ориентироваться в настоящем, что делает их предметом манипуляций тех или иных общественных сил и целей» [16, с. 11]; требование сохранения преемственности в развитии науки, актуальность марксистской методологии исследования [16, с. 12] и др.

В завершение сделаем следующие выводы, имеющие, еще раз подчеркнем, частный характер:

1. При отборе публикаций с использованием заданных критериев поиска наблюдается меньший интерес исследователей к проблемам истории государственной службы нежели в последующий период.

2. В имеющихся публикациях наблюдаются попытки рассмотрения новых аспектов темы, актуальных в связи с проводимыми реформами (формирование корпоративной культуры, реформирование государственной службы в условиях перехода на путь буржуазных отношений, средства борьбы с бюрократизмом, пути реформирования государственной службы и др.). Однако уровень раскрытия поднятых проблем не всегда соответствует степени их актуальности вследствие не только новизны, но и слабой общетеоретической базы, а также, в ряде случаев, политической конъюнктуры.

3. Общей сохраняющейся проблемой можно считать слабость методологической базы. Авторы сравнительно редко раскрывают методологию исследования. На наш взгляд, это является следствием сложившихся в исторической науке традиций предшествующего (советского) периода ее развития, когда такое упоминание не являлось обязательным, поскольку существовала общая методология, которой придерживалось подавляющее большинство (если не все) исследователей. Отсутствие сегодня общих методологических установок затрудняет проведение исследований, анализ и проверку их результатов.

4. В рассматриваемый период (а также и в дальнейшем) отчетливо прослеживаются последствия нарушения преемственности в развитии науки. Авторы отказываются от основ, на которых строилось изучение отечественной истории, используют иной понятийный аппарат, начинают создавать собственные конструкции, далеко не всегда научно обоснованные. Серьезным недостатком, на наш взгляд, является и использование учебных пособий вместо специальной литературы и источников при подготовке публикаций, а также нарушение формальных требований, предъявляемых к научным публикациям (наличие ссылок на источники, адекватность терминологии, способов анализа источников и т. д.).

Список источников

1. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ). Ч. I // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 4 (36). С. 9—7.
2. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ). Ч. II // Вестник гуманитарного образования. 2025. № 3 (39). С. 85—91.
3. Зубов В. Е. История государственной службы в научных публикациях 2011—2015 гг. (по материалам РИНЦ): ведомственный аспект и ведомственная политика государства // Сибирь гуманитарная. 2025. № 3 (11). С. 77—94.
4. Шедий М. В. Особенности формирования корпоративной культуры российской государственной службы // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 66—70.
5. Шамахов В. А., Морозов В. И. Подготовка кадров государственных служащих в России: к вопросу о преемственности // Управленческое консультирование. 2012. № 1 (45). С. 5—17.

6. Ткачук В. А. О соотношении служилого и вотчинного принципов в Московском государстве // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4—1 (56). С. 113—116.
7. Трухачева А. Направления реформирования системы государственного управления // Обозреватель = Observer : научно-аналитический журнал. 2008. № 1 (216). С. 5—11.
8. Крупинова С. И. История службы женщин в Государственном банке // Деньги и кредит. 2010. № 3. С. 56—59.
9. Позднякова Е. В. История правового регулирования государственной службы в органах внутренних дел России // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 101—107.
10. Набокова Л. В. «В Березове находится редкий архив...» Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа в истории архивной службы Югры // Вестник архивиста. 2008. № 2. С. 93—106.
11. Коробейникова Н. К. Архивный фонд Удмуртии — национальное достояние и информационный ресурс по истории республики // Вестник архивиста. 2008. № 3. С. 93—102.
12. Сбоев А. С., Хорошавин В. А., Бугаева О. А. История становления и развития государственной санитарной службы в Пермском крае // Здоровье населения и среда обитания — ЗНиСО. 2007. № 8 (173). С. 42—46.
13. Блэкман А. История государственной службы здравоохранения Соединенного королевства / пер. П. Зайцева // Медицинская сестра. 2009. № 3. С. 40—43.
14. Сажина В. В., Тагунов Д. Е. Опыт борьбы с бюрократизмом в регулировании института государственной службы: историко-правовые аспекты // Проблемы управления. Минск, 2006. № 3 (20). С. 95—100.
15. Амурская О. И. Историографические и источниковедческие аспекты деятельности А. А. Безбородко // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2009. № 4 (25). С. 36—52.
16. Смоленский Н. И. Философские основы российской историографии: проблемы обучения и исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2009. № 1. С. 3—20.
17. История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие / науч. ред. Р. Г. Пихоя, А. А. Чернобаев. М. : Изд-во РАГС, 2006. 344 с.

References

1. Zubov V.Ye. History of civil service in scientific publications from 2011 to 2015 (based on the Russian Science Citation Index), part I, Bulletin of Humanities Education, 2024, no. 4 (36), pp. 9-7.
2. Zubov V.Ye. History of civil service in scientific publications from 2011 to 2015 (based on the Russian Science Citation Index), part II, Bulletin of Humanities Education, 2025, no. 3 (39), pp. 85-91.
3. Zubov V.Ye. History of civil service in scientific publications from 2011 to 2015 (based on the Russian Science Citation Index), Siberia Humanitaria, 2025, no. 3 (11), pp. 77-94.
4. Shedii M.V. Specificity of corporate culture development of the Russian civil service, Issues of Cultural Studies, 2007, no. 7, pp. 66-70.
5. Shamakhov V.A., Morozov V.I. Training of civil servants in Russia: On the issue of continuity, Management consulting, 2012, no. 1 (45), pp. 5-17.
6. Tkachuk V.A. O On the relationship between the service and patrimonial principles in the Muscovite state, News of Altai State University, 2007, no. 4-1 (56), pp. 113-116.
7. Trukhacheva A. Directions for reforming the public administration system, Obozrevatel = Observer, nauchno-analiticheskii zhurnal, 2008, no. 1 (216), pp. 5-11.
8. Krupinova S.I. History of women's service in the State Bank, Money and Credit, 2010, no. 3, pp. 56-59.
9. Pozdnyakova Ye.V. History of legal regulation of civil service in the internal affairs bodies of Russia, Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010, no. 1, pp. 101-107.

10. Nabokova L.V. "Beryozovo contains a rare archive..." The State Archives of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the history of the archival service of Yugra, *Archivist's Bulletin*, 2008, no. 2, pp. 93-106.
11. Korobeinikova N.K. The Udmurtia Archival Fund is a national treasure and information resource on the history of the republic, *Archivist's Bulletin*, 2008, no. 3, pp. 93-102.
12. Sboev A.S., Khoroshavin V.A., Bugaeva O.A. The history of building and development of the state sanitary service in the Perm region, *Population Health and Environment - ZNISO*, 2007, no. 8 (173), pp. 42-46.
13. Blekman A. History of the National Health Service in the United Kingdom, *Nurse*, 2009, no. 3, pp. 40-43. (in Russ.)
14. Sazhina V.V., Tagunov D.Ye. Experience in combating bureaucracy in regulating the institution of civil service: historical and legal aspects, *Management issues*. Minsk, 2006, no. 3 (20), pp. 95-100.
15. Amurskaya O.I. Historiographic and source study aspects of the activities of A.A. Bezborodko, *Bulletin of the Yesenin Ryazan State University*, 2009, no. 4 (25), pp. 36-52.
16. Smolenskii N.I. Philosophical Foundations of Russian Historiography: Problems of Teaching and Research, *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politics*, 2009, no. 1, pp. 3-20.
17. Pikhoya R.G., Chernobaev A.A. (eds.) *History and philosophy of Russian historical research, ucheb. Posobie*. Moscow, Izd-vo RAGS, 2006, 344 p.

Информация об авторе

Зубов Владимир Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических наук и международных отношений, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Information about the author

Vladimir E. Zubov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Social and Political Sciences and International Relations, Leading Researcher, Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Zubovv27@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.